

Япония в красках

В Японии цвет редко укладывается в стройные сочетания красок, знакомые нам по полотнам импрессионистов. Японцы в принципе не слишком большие мастера созидать путем постепенного добавления отдельных “кирпичиков”, а, скорее, склонны копить, концентрировать энергию, чтобы потом в едином порыве создать сразу нечто законченное. Им свойственна врожденная способность к импровизации, характерной иллюстрацией которой является искусство каллиграфии и живописи “суибоку”, где каждый мазок кистью становится окончательным и необратимым. А игра на “сакухати” (вертикальной бамбуковой флейте) и “цудзуми” (ручном барабане) — это музыка, где паузы и бурные секвенции не поддаются аналитической оценке. Что же касается красок, то они у японцев, с одной стороны, мягкие и неброские, а с другой — достаточно откровенные. Цвета, как мягкие, так и яркие, имеют отношение не столько к свету и тени, сколько к смыслу или чувству, которые с ними ассоциируются. Для описания цветов обычно используются эпитеты, которые скорее подчеркивают их связь с чувствами, чем соотношения цветов между собой: “ики” (утонченный, роскошный), “сибуи” (приглушенный, сдержанный) или “ханнари” (веселый, радостный). Поэтому для японской живописи характерны непосредственные, контрастные цветовые сочетания, в которых подчеркиваются достоинства каждого цвета. С древних времен в японской культуре использовались сочетания таких полярных цветов, как красный и зеленый, — в храмах периода Нара Дзидай и в синтоистских храмах, багряный и черный — в средневековых доспехах, золотой и зеленый — в ширмах периода Адзуты Момояма Дзидай, красный и белый — в аксессуарах для радостных событий, темно-синий и белый — в тканях “юката” и “касури”. Именно эти цветовые комбинации, в которых смешались религиозные чувства и земные эмоции, дизайн и материал и определили строй японской цветовой палитры.

То же верно и в отношении розового и белого цветов, применяемых при украшении японских рисовых лепешек, а также черного и белого в традиционной кафельной кладке. В костюмах театра кабуки также используется немало контрастных комбинаций из двух-трех цветов: красного и черного, лилового и красного, красного и зеленого, лилового и желтого — все эти цветовые сочетания поразительно современны по своей концепции. Западная опера и балет впечатляют красочностью костюмов и световыми эффектами. Однако в японской сценографии сами костюмы персонажей создают особое впечатление трехмерного освещения. Такой эффект, подобно пятнам солнечного света, окрашенного цветными витражами, на полу полутемного собора, обладает целостностью, в которой есть и насыщенность, и

глубина. В конечном итоге все определяется традицией. Говорят, что японское кимоно демонстрирует человеческое тело в его двухмерном, живописном аспекте, в то время как западное платье моделируется таким образом, чтобы подчеркнуть его скульптурные, трехмерные свойства. Это противопоставление можно распространить и на культуру цвета на Западе и в Японии.

Принятая на Западе концепция цвета коренным образом связана с физическими понятиями. Еще до открытия спектра и призмы краски у западных художников выглядят так, будто мастера знали о физических свойствах цвета. Возможно, это связано с западным климатом, сухим и ясным воздухом, традиционной любовью к отражающим свет драгоценным камням. Нигде больше не увидишь такого

изображения света, как, например, на картинах постимпрессиониста Сера, покрывавшего холст бесчисленным количеством цветных точек, которые, сливаясь, создавали тонкие цветовые нюансы, как в искусстве мозаики или гобелена. Еще более яркой иллюстрацией может служить западный подход к созданию цветочных композиций. Они неизменно являют собой сложное сочетание цветов и, как музыкальная партитура, гармонично соединяющая баритоны и тенора, основываются на системе эстетических правил.

В Японии такие правила вряд ли могут быть применимы, так как значение цветов определяется контекстом. Одним из самых непостоянных по своему значению цветов является красный. Хотя у него может быть репутация показной эффектности и даже

вульгарности, порой он становится символом нечаянной встречи с красотой. В то же время, попав под обаяние красного цвета, с изумлением осознаешь его почти невыносимую откровенность и чувственность. Таким цветам, как синий и желтый, нетрудно придать какое-то определенное значение, смысл же красного радикально меняется в зависимости от соседства других цветов. В сочетании с белым красный создает совсем иную картину мира, чем, скажем, в сочетании с синим. Это может показаться тривиальным, поскольку белый — ахроматический цвет, в то время как синий и красный — почти дополнительные цвета. Однако красный обладает измерением, которое нельзя оценивать только в терминах эстетического эффекта хроматических сочетаний цветов. Возможно, это самый богатый цвет по своим ассоциативным связям с климатическими и культурными условиями, в которых он применяется.

Красный — цвет огня и крови, и потому самый чувственный и физиологичный. Он связан с нашими самыми глубокими побуждениями и импульсами. Более того, на протяжении всей истории Древнего Востока в Индии, Китае и Японии красный цвет традиционно считался цветом магии и колдовства. Для человека — это символ самой жизни.

Возможно, красный цвет в наибольшей степени проявляет свою красоту в противопоставлении с белым или черным. Эти комбинации немедленно придают ему свойство типично японского цвета. В то же время белый цвет со времен античности рассматривался как цвет чистоты, невинности и девственности. Одним из примеров ассоциаций, связанных с белым цветом, может служить “гохэй” — религиозный орнамент из белой бумаги, который в синтоистской религии означает границы освященной территории. Однако в сочетании с красным эта чистая белая бумага возвращается в мир земных человеческих страстей, где белый цвет воплощает мужское начало “ян”, а красный — женское “инь”. Сочетание красного и белого в декоративных орнаментах на подарках к свадьбам и помолвкам — “носи” или “кайси” — однозначно выражает стремление человека установить связь между собственной жизнью и божественным миром.

Сочетание красного с белым кажется особенно типичным для Японии, и не только потому, что японский флаг представляет собой красное солнце на белом фоне. Еще с древности в Японии установился самый настоящий культ “ко”, красного, с “хаку” — белым. Комбинация этих двух цветов даже произносится по-японски в одно слово — “кохаку”. В совокупности они обозначают для японца счастье и праздник. В старину дома строили из простой необработанной древесины и покрывали красным лаком. Знамена кланов Гэндзи и Тайра, сражавшихся в старину за независимость Японии, тоже были окрашены соответственно в белый и красный цвета.

— мир искусства —

Придворные дамы и жрицы при храмах некогда носили красные панталоны и белые верхние кимоно. В традиционном "танце львов" в театре кабуки костюмы дополнялись массивными красными или белыми париками с длинными гривами. Во время праздников вывешивались занавесы с широкими красно-белыми полосами, подавались рисовые лепешки и другие сладости, окрашенные в бело-розовые цвета.

Обычно считается, что красный – это цвет жизни и активности. Он напоминает нам о крови, которая течет в наших жилах, о солнце, символе энергии, излучающем свою животворящую силу на людей. Красный цвет отпугивает зло, а также имеет достаточную энергию, чтобы противостоять белому цвету. Белый цвет издавна считается божественным: чистый и незапятнанный, он свидетельствует о существовании божественной славы.

Концепция красного и белого принимает свою классическую форму в технике макияжа, которая применяется в представлениях театра кабуки в стиле "арагото".

В отличие от белого, черный "суми" – это цвет темной ночи, времени, когда миром правит тайна смерти и всего того, что враждебно человеку. Черный цвет отражает глубины неизведанного, красный вносит элемент человечности и жизни, горящего костра.

Тому есть немало подтверждений и в пьесах театра кабуки. Например, когда актер делает жест рукой – и соскальзывает рукав строгого черного кимоно с фамильной символикой, а под ним оказывается простое красное нижнее кимоно. Особенно в сценах с любовными самоубийствами Тикамацзу: эротизм смерти передается драматическим эффектом красных бликов на рукавах и кромке строгих кимоно, в которые одеты главные герои. Эти мгновенные вспышки яркого цвета делают еще более трогательной их печальную судьбу. Синий и желтый цвета

не передают этого чувства, на это способна лишь таинственная колдовская сила красного.

Красный с зеленым также образуют поразительное сочетание, но в комбинации этих двух цветов есть нечто, присущее континентальной культуре. Красное и синее – это чисто западное сочетание. Чувствуется, что эта пара привнесена извне и чужда самой японской природе.

Один же красный цвет вызывает противоречивые образы как на Востоке, так и на Западе.

Красный цвет парижских кафе не похож на японский ярко-красный "хи" и даже на темно-красный "бени". Он ближе к багряному или цвету кармина. Красный цвет в витражах западных соборов имеет синеватый оттенок. Все эти тона, как и тот красный, что просвечивает в бокале бургундского, или густой насыщенный цвет розы принципиально далеки от цвета ковра, который можно увидеть в японском садике.

Большинство других цветов взято из природы: "ямабуки" – цвет японской розы, "фудзи-иро" – лиловый цвет глицинии, "мозги-иро" – светло-зеленый цвет стрелок лука, "угисю-иро" – желто-зеленое оперение японского соловья, "момо-иро" – розовый цвет цветка персика. Все эти названия говорят сами за себя, в отличие от красного, который отражает самые потайные глубины человеческой души.

Праздник пестроты "Тасаи" – разноцветный, множество цветов: красный и белый, зеленый, синий, золотистый, черный и много-много других. Мы видим, что традиционная японская одежда, кимоно, так же, как и городские и деревенские пейзажи, насыщены неправдоподобно яркими цветами. Торжества, фестивали и другие события превращаются в настоящие праздники цвета. В быту у японцев преобладают довольно однообразные краски. Но когда находится повод, а также время и место, все расцветивается самым чудесным образом.

Время урожая "Кин" – золото, а также золотые волны, "когане но нами", этот цвет выражает чувство, с которым японцы смотрят на поле, где колышутся на ветру стебли спелого риса. Когда убран урожай, золотистые коробочки обмениваются на твердую золотую валюту. Интересно, что почти во всех культурах блеск и сияние

золота ассоциируются с королевской властью. Королевские особы всегда были окружены божественным ореолом, это цвет небесной славы, и в Японии он воспринимается таким же образом. Статуи Будды, сияющие золотом на фоне мерцающих украшений храмов, служат примером использования этого металла для изготовления религиозных атрибутов, подобно тому, как это делается в католических соборах. Те, кто проводил свои дни среди роскошного блеска золота, часто становились величайшими героическими символами Японии.

Таинственные глубины "Аи" – синий, особенно японский индиго, в котором отражается безбрежный океан, окружающий японские острова. Именно по морю приплыли предки японцев на эту землю. Кроме того, море их кормит. Этот прекрасный синий цвет напоминает о заморских странствиях. Вне всякого сомнения именно японский синий цвет "укие-е" чаще всего воспроизводится другими народами. Его можно встретить на полотнах импрессионистов, и мы гордимся, замечая наш синий цвет в шедеврах западно-европейской живописи.

Вечный дух "Мидори" – зеленый, цвет вечной жизни, тех (считающимися священными) растений, что круглый год остаются неизменно зелеными: сосна, кедр и "хиноки". Слово "мидори" относится как к деревьям, так и к другим растениям. Зеленый окружает японцев повсюду, от традиционного японского жилья до милых сердцу садиков. Не являются исключением и национальные пищевые традиции, основанные на овощном рационе. Иными словами, можно сказать, что одна из характерных особенностей японской культуры заключается в слиянии с природой. И сколь богата растительность, которая их окружает, столь же разнообразны проявления жизни и духа в каждом из них.

Икко ТАНАКА,
искусствовед, дизайнер

Материал оформлен картинами
Винсента Ван Гога

